

Власть. 2002. ? 3.

2. Заславская Т.И. Социальный механизм трансформации российского общества // Заславская Т.И. Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри / ВЦИОМ, Моск. высшая школа соц. и экон. наук. - М., 1997. - С. 283-299.

3. Заславская Т.И. Трансформационный процесс в России: социоструктурный аспект // Социальная траектория трансформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. Ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. - Новосибирск, 1999. Гл. 8. - С. 148-167.

4. Заславская Т.И. Поведение массовых общественных групп как фактор трансформационного общества. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. ? 6. - С.15.

5. Заславская Т.И. Постсоциалистический трансформационный процесс в России // Вестник РГНФ. 1998. ? 3. - С. 134-135.

6. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы развития. - М., 2000. - С.23.

7. Макашева Н.А. Экономическая наука в эпоху трансформации (Историко-методологический аспект)// Общественные науки и современность. 2000. ? 5. - С. 26.

8. Современный словарь иностранных слов. - СПб., 1994. - С.617-618.

9. Ядов В.А. А все же умом Россию понять можно. Модернизация, переход или трансформация? // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. - М., 2001. - С.9.

Москаленко М.Р., Стоянова Е.В. ,
г. Екатеринбург

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ И НАУЧНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В
ЕСТЕСТВОЗНАНИИ

Переход от традиционных монархических режимов к демократической форме правления имеет тесную взаимосвязь с научной революцией в естествознании XVII-XVIII вв. Традиционализм как тип культуры и свойственная ему политическая система – монархия с опорой на служилое дворянство и бюрократический аппарат – опирались в массовом сознании на религиозное обоснование и идеологию сакрализации власти: на небе – Бог, на земле – монарх как священный представитель бога. На этом основании всевозможные государственные образования республиканского типа (Венеция, Генуя, Новгород и ряд других крупных торговых городов, где фактически правила крупная аристократия и торговая буржуазия), но общая тенденция оставалась монархической.

Монархическая тенденция базировалась на религиозной картине мира, характерной для массового сознания.

Но революция в естествознании XVII-XVIII вв., когда благодаря открытиям Галилея, Ньютона, Кеплера и ряда других выдающихся ученых, появилась научная картина мира, основанная на законах классической механики, привела к постепенному вытеснению религиозной картины мира. Стали появляться политические проекты, в которых власть имела не религиозное обоснование, а опиралась на научную основу рациональной организации общества. Безудержная вера в научно-технический прогресс и в способность человечества разумно обустроить свое бытие, характерная для эпохи Нового времени и классической науки, порождала новые проекты политического устройства, основанные на рациональности и вере в торжество разума и прогресса.

Можно выделить три крупных проекта нового общества, которые пытались достаточно широко реализоваться: американский, якобинский, советский. Они нас интересуют тем, что своими истоками обязаны именно революции в естествознании: отказу от религиозной картины мира, вере в способность человеческого разума рационально обустроить бытие и апелляцией к сознательной воле граждан. Апелляция к воле граждан –

особенно характерный продукт революции в естествознании, поскольку именно тогда был опровергнут религиозный тезис о малости человека в мире. Вместо «твари, дрожащей перед могуществом Бога» на историческую картину вышел «человек – царь природы», способный быть «кузнецом своего счастья» и, естественно, управлять государством и определять его политику.

Большевистский проект интересным и причудливым образом сочетал ценности классической науки европейского модерна, научной картины мира и идеологии русского мессианства, сложившегося несколько веков назад. Основным идеологическим положением русского мессианства была концепция Филофея «Москва – Третий Рим», которая провозглашала прямую преемственность русскими князьями имперской миссии Византии и Римской империи, и давала идеал общества всеобщей солидарности, консолидированного вокруг фигуры монарха и объединенного православной церковью.

Советский проект устройства общества обнаруживает тесную связь с идеалами европейского Просвещения, идеей прогресса и классической научной картиной мира. Воинствующий атеизм, культ науки и образования, безграничная вера в прогресс, в возможность «догнать и перегнать» Запад, опираясь на научно обоснованную социалистическую модель развития – все это говорит о том, что данная модель имела своими истоками ту же революцию в естествознании, признание возможности человека быть «кузнецом своего счастья» (в советской идее это звучало «мы кузнецы, и дух наш молод...»), культ разума.

В силу отсталости страны и малограмотности населения достижения научной революции в естествознании пришли в Россию достаточно поздно – в XX в. Крушение царского режима и переход к советскому проекту связаны прежде всего с перенапряжением страны в Первую Мировую войну и с кризисом религиозного обоснования монархической власти – ну как мог быть интегратором нации правитель по прозвищу «кровавый», слабовольный и публично показывающий, что решения принимает императрица и он не

является главой даже в собственной семье? Его отречение от престола было значительной частью населения воспринято как невыполнение долга, как «отказ нести свой крест», что осуждается в православном сознании. И спустя какие-то 15 лет в массовом сознании почитание сакральной фигуры правителя возродилось: «один сокол Ленин, а другой сокол – Сталин». Возникла на первый взгляд парадоксальная ситуация, когда население интенсивно, беспрецедентно по широте масштабов образовывалось, приобщалось к ценностям научно-технической цивилизации и культуре рационального мышления, а отношение к правителю оставалось иррациональным, его фигура наделялась сверхъестественными способностями. После 1950-х гг., когда ценности рационального мышления и научной картины мира (пусть уже устаревшей, классической, ориентированной на установление абсолютных законов и претендующей на роль науки как абсолютной формы познания и объяснения действительности) достаточно хорошо усвоились массовым сознанием, политические системы, ориентированные на сакрализацию лидера, стали анахронизмом. Именно поэтому фигуры Хрущева и Брежнева служили предметом анекдотов в среде советских интеллектуалов. Они ориентировались на ценности классической науки и откровенно смеялись попыткам сакрализировать лидеров. С крушением советского проекта, казалось, идея сакрализации лидера ушла в прошлое. Но так ли это?

В массовое сознание уже стали проникать ценности неклассической и постнеклассической науки, признающих ограниченность и многоаспектность научного объяснения реальности, а также культурные ценности постмодерна, для которых характерны скептическое отношение к возможностям науки, бесконечная игра смыслов, плохо осмысленная и зачастую бесцельная рефлексия собственной исторической памяти и цивилизационных ценностей. Это выразилось в нарастающем скептицизме в отношении науки, в отказе от ценности обладания научным знанием, падением престижа научной работы (во многих СМИ подчеркивается, что звезды эстрады и спорта имеют доход в

сотни раз больше научного работника). Система ЕГЭ в школе и широкое внедрение тестовых систем в образовании ведут к деградации рационального мышления и упадку научной культуры. В условиях идеологического вакуума стала процветать вера в астрологические предсказания, гадания, парапсихологию, мистицизм. Их распространение можно объяснить необходимостью психологической защиты в условиях дикого капитализма и крушения социалистической идеологии. Из «общего дома» – Советского Союза – человек был выброшен в «дикое поле», по меткому названию передачи А. Невзорова 1990-х гг. Социальное государство, реально существующее в позднем СССР, с каждым годом все более становится фикцией, остатки его структур отмирают вместе с другим советским наследием. Все эти факторы обуславливают новый скачок общественного сознания к иррациональному. А у иррационального сознания и отношение к лидеру совсем другое. Например, в эпоху нестабильности между двумя мировыми войнами в лидере желали видеть того «отца нации», который может защитить от хаоса. В России это дополнялось установкой на абсолютную силу высшей власти, на ожидание от нее выполнения роли справедливого и всемогущего арбитра в отношениях между гражданами. Современное состояние российского общества в какой-то степени напоминает именно эту неустойчивость: крушение прежнего цивилизационного проекта, неэффективность и серьезные противоречия нового государственного устройства и его идеологии, – все это может вполне привести к витку сакрализации власти в новых исторических условиях.

Наронская А.Г.,
г. Екатеринбург

АКТУАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Современный этап развития постсоветских государств, необходимость системной модернизации активизируют проблему эффективности